

Выставка Татьяны Назаренко
«Конец тысячелетия:
гибель империи».
Галерея РОСИЗО

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС ПЕРЕД ЗЕРНОСУШИЛКОЙ

Перед самым Татьяниным днем в галерее, вклинившейся в палаты Литературного музея, Татьяна Назаренко представила свой фотопроjekt с инсталляцией. Посреди железной насыпи из проржавевших ванн, колес, велосипедных рам — огромный борщевик. А по стенам — ракурсные снимки какой-то стальной сельхозконструкции в сочетании с метафизическим ню (исполняет автор), замогильным поп-артом (покойница-кукла) или декадентским натурализмом (зеленая травка и закаты).

Штатная галерея Минкультуры еще не нашла своего амплуа и до сих пор специализировалась на заезжих провинциалах с их среднерусской тоской. Ясно, что выбор здешней площадки мастером во всех смыслах признанным и именитым диктовался подходящими условиями. Однако в этом выборе есть своя интрига. На трассе от брутальной галереи Гельмана до официального Манежа (между которыми не такое уж большое расстоя-

ние) понадобилась остановка у свалки истории под Тулой, где, на даче Назаренко, и проходила съемка. Понадобилось съехать на обочину, чтобы расширить свою дорогу.

Эта выставка слишком личная и открытая, лишенная известных приемов назаренковского стиля (многого стоит неожиданный поворот к постановочной фотографии). Название отсылает к журнальным штампам, но на самом деле это один из самых эстетских проектов Назаренко. Никогда с такой откровенностью она не представляла своих эмоций. Железная руина, этот вариант постсоветского гниения, давит как эдипов комплекс. Снимки и мусорная икебана становятся посредниками в постижении чего-то возвышенного и отталкивающего, что углубляет жизнь здоровую перед концом света: «И голоса играющих на гуслях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого

художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе» (Апокалипсис, глава 18).

Из монологов художницы на вернисаже

Разруха — дань духу времени. У нас каждый день — разъятые тела на экране. Перед художником может встать и более сложная проблема: сказать о конце света.

Никаких оценок империи я давать не собиралась. Я просто говорю о разрушении как о явлении жизни колоссальной страны, бывшего многонационального государства. Это то, что я буквально наблюдаю рядом с дачей. Огромное сооружение в поле, назначение которого вообще не понять. Кто-то сказал, что это зерносушилка. Может, и так. Это скорее железное существо, портрет. Мы снимали ее почти год — и вдруг я стала замечать,

что ее растаскивают. Ужасно боялась, что растащат совершенно. Было бы идеально привезти всю ее в Москву, но нужен зал не меньше Манежа — вот это был бы эффект!

Мое последнее сильное впечатление — выставка Глазунова. Как раз после статьи в «ВК» взяла и пошла. А так бы никогда. Но тут прочитала об «образе падшей женщины» в его последних картинах, увидела фрагмент в газете и — пошла. Это сильно! Это действительно край! То, о чем писал Быков во второй статье: все доведено до абсурда. А самое большое впечатление — публика, для которой картины Глазунова — энциклопедия русской жизни. И ведь действительно изучают серьезно: рассматривают — что, где. Непонятно, откуда у Глазунова такая осведомленность в современных шоу-штампах. Может, ученики или сын дописывают?

Записал
Сергей СОЛОВЬЕВ

Взвз к-мб - 2000 - 25 мб - 45.

29.1.2000.

Назаренко Татьяна